

Едва небо стало светлеть, как Цю Хэнянь и Цин Янь уже тронулись в путь. Они воспользовались большой тележкой из дома тети Ли, которую доверху нагроузили вещами. Все было тщательно прикрыто мешковиной и надежно закреплено толстой веревкой.

Рядом с грудой вещей оставили место, куда постелили мягкие подушки и одеяла. В этом уютном гнезде сидел Цин Янь, укутанный так плотно, что выглядел словно шар. Он сидел спиной к Цю Хэняню, сжимая на груди спрятанные в рукавицы руки. Шерстяная шапка и теплый шарф полностью скрывали его лицо, оставляя видимыми лишь пару красивых глаз.

Шли они по дороге вдоль деревенской речки. Колеса тележки перекатывались по снегу, укрывающему дорогу, издавая хрусткий звук.

Оба молчали. Когда они проходили мимо лавки тофу, Цю Хэнянь потратил две медные монеты на две чашки горячего соевого молока. Подав одну из них Цин Яню, он лишь слегка отвернулся. Тот молча взял чашку, не проронив ни слова.

Эта лавка стояла в деревне Люси уже около десяти лет. Во время войны ее закрыли, а семья отправилась в другие края к родственникам. Но когда война закончилась, их снова потянуло на родную землю. Они вернулись, несмотря на долгий путь, и открыли лавку вновь. В этом месте зимы были суровыми, а весной дул холодный, сухой ветер, что делало жизнь здесь трудной. Однако вода была чистой, и тофу, изготовленный здесь, получался особенно нежным, без горечи, белым, мягким. Соевое молоко тоже выходило густым и ароматным, сохраняя вкус свежих бобов.

Они уже позавтракали дома, а горячее соевое молоко пили просто, чтобы согреться и сделать дорогу чуть более терпимой.

Когда Цин Янь закончил, Цю Хэнянь уже стоял у тележки, держа свою пустую чашку. Цин Янь протянул свою посуду, тут же натянул шарф повыше на лицо и отвернулся.

Цю Хэнянь ничего не сказал, молча взял посуду и отнес ее обратно в лавку. Затем они снова отправились в путь.

Когда они проходили по дороге мимо дома охотника Лю, старик уже стоял у ворот, глядя на них с явным ожиданием. Завидев Цю Хэняня, его глаза засияли.

— Я так и знал, что вы наконец выйдете! — воскликнул он, обернувшись к дому. — Эй, Эр Си, выходи!

Цин Янь удивленно замер, пытаясь понять, кто такой этот Эр Си. Но ответ не заставил себя ждать: из ворот, словно вихрь, выскочила большая желтая собака. Она радостно забегала вокруг тележки, а затем взгромоздилась передними лапами на борт, будто собиралась прыгнуть внутрь и обнять Цин Яня.

Цин Янь побледнел. Он с детства боялся собак — когда-то соседская укусила его, оставив глубокий след в памяти. Видя, как Эр Си собирается прыгнуть к нему, он от страха не мог вымолвить ни звука, только втягивался все глубже в тележку.

Но тут перед ним внезапно выросла высокая фигура. Мужчина встал между ним и собакой, властно скомандовав:

— Лежать!

Эр Си тут же спрыгнул на землю и послушно лег, поднимая глаза на мужчину, высунув язык и дружелюбно виляя хвостом.

Охотник Лю расхохотался:

— Да не бойся, парень, Эр Си у нас умный! Человека понимает, не кусается!

Цин Янь сглотнул и нервно кивнул, но не сказал ни слова.

Цю Хэнянь погладил Эр Си по голове, словно успокаивая его, затем оглянулся на Цин Яня, который все еще жался в углу, и сказал охотнику Лю:

— Дядя Лю, извините за беспокойство, мой супруг робкий.

Охотник махнул рукой:

— Эр Си я только что покормил, так что сегодня достаточно будет дать ему еще один раз вечером.

Кивнув, Цю Хэнянь прикрепил поводок собаки к другой стороне оглобли повозки, поднял ручки телеги и отправился в путь. Цин Янь стянул шерстяной шарф и попрощался с охотником Лю:

— Дядя Лю, тогда мы поехали.

Его голос дрожал, да и самого его заметно трясло, так что старик, услышав это, не сдержался и засмеялся, одновременно махнув рукой на прощание.

Выбравшись из деревни, они прошли через дикую местность, пока не оказались у подножия горы. Цин Янь слез с повозки и пошел следом за Цю Хэнянем. Иногда дорога становилась такой крутой, что ему приходилось протягивать руку, чтобы помочь.

Подъем в гору шел медленно, и хотя погода была ледяная, от усилий оба вспотели. Даже Цин

Янь снял шарф, чтобы перевести дыхание.

Наконец они добрались до более пологого склона и остановились, чтобы передохнуть.

Цю Хэнянь достал подготовленную треснутую фарфоровую чашку и налил воды для Эр Си. Пес, видно, был сильно изнурен жаждой и с радостью принялся пить.

Цин Янь стоял под голым деревом и издалека наблюдал за этой сценой. В его взгляде была настороженность, будто перед ним не собака, а опасный зверь.

Цю Хэнянь, взяв бурдюк с водой, подошел к нему, отвинтил пробку и протянул:

— Пей.

Цин Янь поднял голову и сделал небольшой глоток. Цю Хэнянь предупредил:

— Вода холодная, много не пей, а то живот заболит.

Цин Янь допил, вернул бурдюк и заметил, как тот, взяв сосуд, поднес его ко рту и сделал большой глоток.

Цин Янь отвернулся, его щеки слегка порозовели. Но, словно вспомнив что-то, он сжал губы, его выражение вновь стало холодным, и он больше не смотрел на Цю Хэняня. Вместо этого он перевел взгляд на пьющего воду Эр Си.

Цю Хэнянь проследил за его взглядом, затем, посмотрев на Цин Яня, сказал:

— Я взял Эр Си у дяди Лю, чтобы он был с тобой, пока я буду в горах.

Увидев, что Цин Янь перевел на него взгляд, он добавил:

— Если ты боишься, я оставлю его сторожить двор и не пущу в дом. Тот дом в безопасном месте, дикие звери туда не заходят, но я хочу перестраховаться.

Цин Янь кивнул.

Они не могли позволить себе отдыхать слишком долго — пот высыхает, и тут же легко схватить простуду. Поэтому спустя совсем немного времени двое человек и собака снова отправились в путь.

По дороге все так же царило молчание.

С одной стороны, Цю Хэнянь не был человеком, склонным к разговорам, но главной причиной было молчание самого Цин Яня.

Он объявил Цю Хэняню одностороннюю холодную войну, хотя не был уверен, заметил ли тот. Что до причины этой войны... она крылась в событиях прошлого вечера.

Стоило вспомнить о том вечере, как лицо Цин Яня снова залилось краской, будто вот-вот вспыхнет пламенем. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Прошлым вечером Цю Хэнянь вернулся домой раньше обычного. Они столкнулись у двери внешней комнаты. В тот момент Цин Янь как раз закончил жарить шкварки из свиного сала и уже думал, что неплохо бы угостить ими мужчину. Но тут он заметил пристальный взгляд Цю Хэняня.

Он спросил его, почему тот сегодня вернулся так рано.

«Работа закончена, вот и вернулся», — ответил мужчина.

После этих слов между ними повисла тишина.

Солнце на западе клонилось к горизонту с удивительной скоростью, и вскоре на небе осталась только узкая полоска его лучей. Свет становился все слабее.

Цин Янь не был человеком медлительным, а тут и вовсе не требовалось особой пронизательности, чтобы понять, что означал взгляд мужчины. Ведь... нормальный человек не станет смотреть на него так, словно хочет целиком проглотить.

Они оба были взрослыми людьми. И более того, они уже однажды перешли ту границу.

Цин Янь не чувствовал себя оскорбленным. Наоборот, его сердце начинало биться быстрее. Он слегка поднял голову, его взгляд был как тихая речная гладь, губы чуть приоткрыты — словно он хотел сказать тысячу слов, но лишь одним движением глаз успел поведать все.

Слова здесь были лишними.

Цин Янь опустил веки, скрывая взгляд, который, казалось, наполнялся весенними водами, отвернулся, выставляя напоказ свой белоснежный, уязвимый профиль, в котором читались и покорность, и приглашение.

Большая рука потянулась к его шее. Ресницы Цин Яня затрепетали, словно крылья бабочки,

застигнутой ветром.

Пальцы все ближе. Он уже чувствовал тепло ладони и закрыл глаза.

Треск!

Из печи, где горели дрова, в этот момент вырвалась маленькая искра. Звук был не громким, но в абсолютной тишине прозвучал, как раскат грома в летний полдень.

Словно чей-то чарующий сон был разрушен, тепло у шеи мгновенно исчезло. Цин Янь резко распахнул глаза — высокий силуэт перед ним уже повернулся спиной и направлялся в сторону внутренней комнаты.

Цин Янь закусил губу и тут же бросился следом, несколькими шагами обогнув мужчину, чтобы встать перед ним, распахнув руки и преградив путь.

Мужчина остановился. Полы его длинной одежды слегка качнулись пару раз, а затем замерли. Его лицо было почти полностью скрыто в тени, так что невозможно было разглядеть выражение. Не прошло и минуты, как он снова сделал шаг, пытаясь обойти Цин Яня сбоку. Но тот упрямо шагнул в сторону, вновь преграждая дорогу с другого направления.

Мужчина снова остановился.

В это время в очаге слышался треск догорающих поленьев, последние угольки еле мерцали. Свет в комнате становился все слабее.

Их молчаливое противостояние длилось недолго. Когда последний уголек в очаге потух, мужчина решительно шагнул вперед, слегка наклонился и крепкими руками подхватил Цин Яня за талию.

У Цин Яня сердце вдруг словно взлетело в воздух. Кожа, коснувшаяся твердой, горячей мускулатуры мужчины, отозвалась дрожью. Он неосознанно издал из глубины горла еле слышное, смущенное «мм».

А в следующий миг, когда все вокруг, казалось, закружилось, Цин Янь уже оказался на земле. Раздались поспешные шаги, ощущение тепла, исходившего от объятий, внезапно исчезло. Ошеломленный, он поднял взгляд, но перед собой увидел лишь дверь, которую только что закрыли.

Цин Янь стоял неподвижно, недоверчиво уставившись на эту дверь. Несколько секунд спустя, словно обезумевший кролик, он бросился вперед, пытаясь открыть дверь, но обнаружил, что она уже была заперта изнутри и не поддавалась.

Цин Янь поднял руку и начал стучать — глухой звук раздавался в тишине. Никто не ответил.

Он тяжело дышал, его грудь быстро вздымалась. Гнев и обида переполняли его.

.....

Дверь в комнату не оставалась запертой слишком долго. Вскоре Цю Хэнянь вышел наружу, переодевшись в чистую одежду. Но с тех пор Цин Янь почти не разговаривал с ним.

На самом деле, к тому моменту он уже перестал сердиться. Мужчина устал после долгого дня и должен был рано утром отправиться в горы. Время действительно было неподходящим. Но быть отвергнутым всегда неприятно.

Тем более, что между ними не прозвучало ни слова, все произошло в тишине. Цин Янь мог бы оправдать себя, убедив, что на самом деле он просто шутил со своим мужем. Он ведь вел себя не так уж очевидно, не правда ли? Возможно, Цю Хэнянь воспринял это именно так.

Однако, думал Цин Янь, если бы в тот момент он не издал того низкого, но вблизи определенно слышного, пробирающего до костей «мм», все это могло бы звучать гораздо более разумно и убедительно.

В действительности Цин Янь вовсе не был в ссоре с Цю Хэнянем. Просто ему было невыносимо стыдно.

<http://bllate.org/book/13590/1205171>